

Теодосиева Х., Цанкова А.

(Софийский университет им. св. Климента Охридского, Болгария)

ВОСПРИЯТИЕ ПРОЗЫ БО ЦЗЮЙИ В БОЛГАРИИ: ПОНЯТНЫ ЛИ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ СПУСТЯ 1250 ЛЕТ?

Аннотация: Поэт эпохи Тан (唐朝) Бо Цзюйи (白居易, 772–846) оставил неизгладимый след в истории китайской литературы. Новаторство в литературе Бо Цзюйи и его свободный дух, не подчиняющийся внешним нормам, проявляются не только в его поэзии, но и в его прозаических текстах, которые сегодня относительно менее известны. В данной статье представлено исследование рецепции его произведения «Записки из дома отшельника в горах Лушань» (《庐山草堂记》) в Болгарии. Оно проводилось путем анкетирования студентов, изучающих китайский язык, и студентов других гуманитарных специальностей. После анализа полученных данных сделаны выводы о восприятии этого произведения, и в то же время путем сопоставления ответов двух групп респондентов исследуется значимость фоновых культурологических знаний. В рамках исследования в первый раз представлен перевод этого текста на болгарский язык. Статья включает в себя анализ произведения как на основе ответов респондентов, так и посредством самостоятельной интерпретации.

Ключевые слова: Бо Цзюйи, литература, проза, интерпретация, династия Тан.

Teodosieva Hristina, Tsankova Antonia

(Sofia University "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

RECEPTION OF BAI JUYI'S PROSE IN BULGARIA: HOW DO FOREIGN AUDIENCES PERCEIVE HIS WORKS AFTER 1250 YEARS?

Abstract: The poet from the time of Tang dynasty (唐朝) Bai Juyi (白居易, 772–846) left a lasting mark on the history of Chinese literature. His innovation in literature and free spirit, which does not obey external requirements, are evident not only in his poetry, but also in his prosaic texts. Nowadays his prose is relatively less well known than his poetry. The paper presents a research on the reception of his work "A Script for the Thatched Cottage in Mount Lu" (《庐山草堂记》) in Bulgaria. It was conducted through surveys among Bulgarian students, who study Chinese, and students from other humanities majors. Conclusions were drawn about the perception of this text and by comparing the respondents' answers, the importance of background knowledge for the perception of this work was studied. A translation of this text has been presented in Bulgarian for the first time. The article will also include an analysis of *A Script for the Thatched Cottage in Mount Lu*, both based on students' answers and through independent interpretation.

Keywords: Bai Juyi, literature, prose, interpretation, Tang dynasty.

КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ О ПОЭЗИИ ДИНАСТИИ ТАН

Династия Тан (唐朝, 618–907) сменила недолговечную династию Суй (隋朝, 581–618), что стало поворотным моментом в истории Китая. Великий личный авторитет второго танского императора Ли Шиминя (李世民), известного как Тайцзун (太宗, 626–649) закрепил за династией право на престол и благодаря его фигуре с начала правления династии стал возвышаться и культ образования. Но время, когда танские поэты стали наиболее известными, связано с двумя другими правителями — императрицей У Хоу (武后, 624–705), также известной как У Цзэтянь (武则天), и ее внуком — императором Сюаньцзуном (712–756, посмертное имя Мин Хуан, 明皇). Славное правление Сюаньцзуна, один из самых плодотворных периодов в истории Китая, и 132-летний мир были нарушены восстанием Ань Лушаня (安禄山) [1, р. 291–308], связанным с драматической историей любви императора Сюаньцзуна и наложницы Ян Гуйфэй (杨贵妃), увековеченной в поэзии. Этот мотив появляется и в творчестве Бо Цзюйи, в его поэме «Вечная печаль» («长恨歌»).

Среди причин большого расцвета искусств при династии Тан были расширение контактов с иностранцами и интерес к иностранным религиям и обычаям [1, с. 325–326]. Так, влияние буддизма расширилось, проникли манихейство и зороастризм, в стране получили более широкое распространение ислам и христианство (в основном несторианство) наряду с древнекитайским даосизмом и конфуцианством. Но в конце династии Тан гонения, начавшиеся в 843 г., положили конец религиозной терпимости [1, р. 338]. В поэзии и прозе Бо Цзюйи просматриваются следы влияний различных религий и учений, что возможно именно благодаря их широкому распространению в эту эпоху.

Эпоха династии Тан считается преимущественно романтической [1, р. 342]. Стихи написаны высоколитературным языком, включающим большое количество идиом, происходящих из более старых произведений. Эта элитарность в языке присуща почти всем авторам эпохи, но Бо Цзюйи — исключение, он выделяется на общем фоне. В отличие от общей тенденции, он настаивал на том, чтобы писать языком понятным, а по преданию, даже давал свои сочинения своей няне, и если она не могла их понять, то переделывал их.

Некоторые из самых известных поэтов Китая родились и писали во времена династии Тан. Незадолго до Бо Цзюйи творят Ли Бо (李白, 701–762), Ду Фу (杜甫, 712–770), Мэн Хаожань (孟浩然, 689–740), Ван Вэй (王维, 701–761) и многие другие. Бо Цзюйи считается принадлежащим к следующему поколению поэтов, из которых самый известный прозаик данной эпохи — Хань Юй (韩愈, 768–824). Количество стихов династии Тан, сохранившихся до наших дней, превышает 48 000, а имена известных нам поэтов — более 2000¹. В поэзии Тан чувства и настроения часто передаются через образы природы, которые иногда переходят

---

¹ Некоторые из лучших стихов эпохи Тан были собраны и опубликованы в начале XVII века в виде Полного собрания стихов эпохи Тан 全唐诗, содержащего 48 900 стихов 2300 авторов [3, с. 205].

в обобщающие символы [1, p. 417]. Лирика династии Тан изменилась как по форме, так и по содержанию по сравнению со своими предшественниками, и произошло упрощение фразы и углубление поэтического смысла. В то же время достигает своего апогея концепция мелодики поэзии, которая достигается чередованием разных тонов на китайском языке и рифмованием (строк) [2, с. 255]. Таким образом, возникает так называемый новый стиль (近体诗) — пяти- или семизначные стихи со строгим ритмом и рифмой, что оказалось очень важным для пейзажной поэзии и «поэзии гор и вод», что приводит к «особенному слиянию, растворению и даже взаимопорождению субъективного и природного под влиянием Учения о Непроницаемом и буддизма с его стремлением к пустоте (кун)» [2, с. 257]. Эти черты, характерные для поэзии данной эпохи, можно найти в рассматриваемом здесь произведении, хотя оно и прозаического характера.

После восстания Ань Лушаня в Китае возникли два основных и противоположных поэтических движения: «Возвращение прозы к древнему стилю» (《古文运动》) и «Движение за обновление поэзии» («Новые юэфу», 《新乐府运动》). К последнему направлению относятся Бо Цзюйи и его близкий друг, поэт Юань Чжэнь (元稹, 779–831), с которым он работал в стиле подражания древним стихам и песням юэфу. Этот стиль «получил в литературных кругах название “Юань-Бо” по фамильным иероглифам основателей» [4, с. 46]. В поэтической переписке между ними рождались памятные стихи, а кроме того, в письмах они выражали и некоторые важные взгляды на общественную роль художественного творчества.

ПУТЬ БО ЦЗЮЙИ К ГОРЕ ЛУШАНЬ

Бо Цзюйи (772–846), также известный под псевдонимом Лэтянь (乐天)², родился в городе Тайюань (太原), провинции Шаньси (山西). «Две идеи владели Бо Цзюйи с юных лет — поэзия и участие в государственном правлении» [5, с. 5]. Он сам был чиновного происхождения, воспитан в духе конфуцианства, но также интересовался даосизмом, а наибольшее влияние на него оказал буддизм.

В 800 г. Бо Цзюйи сдал экзамены на степень *цзиньши* (进士)³, и тогда из экзаменуемых он был самым молодым, но места в столице ему не находилось. Два года спустя он снова был в столице Чанъань и держал экзамен на должность в министерстве [4, с. 46]. В 808 г. наконец осуществилась его мечта об участии в государственном правлении. Он долго был чиновником и достиг высокого поста, в конце своей жизни стал губернатором провинции Хэнань, хотя его карьера была отмечена взлетами и падениями, ссылками и продвижением по службе. Бо Цзюйи также занимал скромные должности в разных местах страны — Сычуань, Чжэцзян и др. и недолго служил при дворе.

² Лэтянь (乐天, Радующийся Небу, Пора веселья); другой его псевдоним — *Сяньшань цзюйши* (香山居士, Ученый отшельник с Ароматной горы) [7, с. 642].

³ *Цзиньши* — высшая ученая степень в системе государственных экзаменов.

В 831 г. он удалился от мира и нашел убежище в маленькой деревне Лунмэнь, недалеко от Лояна, где провел последние 14 лет своей жизни, написав большое количество стихотворений [1, р. 351–352]. Бо Цзюйи создал множество стихов сатирического и разоблачительного характера, которые сам считал важнейшей частью своего творчества, вдохновленного чиновничьей карьерой [6, с. 419]. Бо Цзюйи служил при дворе с третьего по пятый год правления Танской династии под девизом Юаньхэ (元和 — «Великая гармония», 806–820). На десятом году правления Юаньхэ (851), после осуждения по обвинению в неправомерных высказываниях, он был понижен до региональной должности и отправлен в трехлетнюю ссылку. «Принято считать, что жизнь и творчество Бо Цзюйи делится на два периода — до его ссылки в Цзянчжоу и после нее» [5, с. 17].

В его труде «Записки из дома отшельника в горах Лушань» указано точное время, когда он построил там свой скит — ровно в одиннадцатом году периода Юаньхэ, следовательно, второй год его ссылки. «В то же время он перестал писать политические стихи, которые защищал прежде, и его взгляды на жизнь постепенно склонялись к буддизму» [8, р. 394]. Наиболее сильное влияние на него оказал буддизм в последние годы жизни, когда он переехал в Лоян, где сформировал группу буддийских монахов в храме Ароматных холмов.

В свой ранний творческий период Бо Цзюйи критиковал некоторых своих современников за недостаточно сильную политическую позицию и считал, что стих должен быть инструментом управления и нравственности [8, р. 395]. В своих более поздних работах он изменил эту точку зрения. Романтические произведения приносят ему наибольшую известность. Среди них, без сомнения, наиболее ярко выделяются поэмы «Вечная печаль» («长恨歌»), посвященная любви Сюаньцзуна и Ян Гуйфэй, и «Лютня» («琵琶行»), вдохновленная встречей с певичкой, которая произвела на него сильное впечатление. Тема женской судьбы занимает важное место в поэзии Бо Цзюйи. «Лютня» написана во время его «грустного цзянчжоуского периода». «Сочувственное изображение женщины вызвало и на этот раз гнев ревностных конфуцианцев. Известно ведь, что танский поэт Ду Му публично порицал Бо Цзюйи за его стихи о женщинах» [5, с. 19].

На протяжении большей части своей жизни Бо Цзюйи включал в свои стихи буддийские темы, мотивы, верования и описания практик. «Его сочинения и другие связанные источники раскрывают имена более сотни монахов, с которыми он общался» [9, р. 31]. Среди буддийских патриархов школы Чань, у которых он учился, были Синшань Вэйкуань (兴善惟宽, 755–817) и Фогуан Жумань (佛光如满, 752–842?), ученик Мацзу Дао-и (马祖道一, 709–788) и др. Он также встретил другого известного последователя Мацзу, а именно Гуйцзуна Чжичана (归宗知常), с которым он познакомился во время своего назначения в Цзянчжоу (江州), провинцию Цзянси, недалеко от горы Лушань (庐山) [9, р. 34].

ГОРА ЛУШАНЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Гора Лушань (庐山) много раз появляется в китайской художественной литературе, и неслучайно, так как это образ с культурным содержанием. В поэзии Тао Юаньмина (陶渊明, 365–427) гора Лушань является символом несбывшейся мечты об отдалении от мира. Творчество Тао Юаньмина считается источником вдохновения для поэзии эпохи Тан. И для самого Бо Цзюйи тот факт, что он приехал в место, где когда-то жил великий поэт, так же как и «раздумье над судьбой Тао Юаньмина должно было помочь поэту примириться с жизнью изгнанника» [5, с. 18].

Гора Лушань не входит в число священных гор Китая, но она также связана с фигурами легендарных даосских бессмертных [10, р. 15]. В какой-то степени в литературе она становится образом места, где может осуществиться мечта об уединении и возвращении к себе. «Во времена Южных династий образ горы Лушань был озарен священной атмосферой. Современник Тао Юаньмина — Се Линьюн (385–433) представляет ее как «гору Бессмертных», а Цзянь Янь (444–505) описал ее как место мифических птиц и нефритовых растений, полное бессмертных духов» [10, р. 15]. Кроме того, считается, что в начале династии Чжоу (周朝, ок. 1046–256 г. до н.э.) прото-даос Куан Су (匡俗) удалился в отшельничество в этом месте, надеясь достичь бессмертия, и построил хижину, откуда происходят некоторые названия горы — «гора Куан», «гора со скитом Куана» [10, р. 16]. Именно этим именем его называет Бо Цзюйи в «Записках из дома отшельника в горах Лушань» (匡庐, «скит Куана»). Иероглиф 庐 означает 'хижина, скит, шалаш, жилище отшельника'. Согласно одной из легенд, Куан Су обрел бессмертие и бесследно исчез в горах. Из-за этого гору называли «жилищем бессмертных» (神仙之庐), а позже — гора Лушань. Первые письменные сведения, в которых встречается это имя, — «Записки великого историка» (《史记》)⁴.

Несомненно, мистический образ горы Лушань очень сильно связан с буддизмом. В основном это из-за буддийского патриарха Хуэйюань (慧远, 334–417), основателем школы Чистой земли⁵ в буддизме, также известной как Общество Белого лотоса, который построил храм Дунлинь (东林寺) в 386 г. у подножия горы Лушань в провинции Цзянси. В литературе Лушань получила наибольшую известность благодаря двум знаменитым поэтам династии Тан: Ли Бо и Бо Цзюйи. Ли Бо написал более 20 стихотворений, посвященных этому месту, в том числе «Баллада о горе Лушань» (《庐山谣寄卢侍御虚舟》) и «Созерцание водопада Лушань» (《望庐山瀑布》). За время, проведенное там, кроме «Записок из дома отшельника в горах Лушань», Бо Цзюйи написал о ней и стихи.

Бо Цзюйи интересовался как буддизмом, так и даосизмом, он даже обратился к алхимии, ища лекарство для своих друзей. «Свидетельства алхимических увлечений Бо Цзюйи многочисленны и упоминаются как в произведениях са-

⁴ См.: [11].

⁵ Школа Чистой земли (净土宗), или амидизм, является ветвью Махаяны — «Большой колесницы» в буддизме.

мого поэта, так и в стихотворениях его литературных единомышленников» [12, с. 342]. Но хижина на Лушане больше похожа на буддийский, а не даосский скит. Причина в том, что «идея даосского постижения напрямую связана с практикой полного ухода от мира», а в буддийской практике «возможность сочетания светских обязанностей с проникновением в тайны Абсолюта признавалась вполне допустимой» [12, с. 239]. Известно то, что в своем кабинете на горе Лушань Бо Цзюйи «успешно осуществлял руководство округом Цзянчжоу (предполагавшее и различные официальные мероприятия, аудиенции и тому подобное), принимал в нем гостей» [12, с. 241].

Среди более поздних поэтов, чье внимание привлекла гора Лушань, был Су Ши (苏轼, 1037–1101), который «останавливался там во время своего возвращения из ссылки в 1084 г. и, как и другие более ранние посетители, был глубоко впечатлен духовной аурой этого места» [10, с. 21]. Одно из самых известных стихотворений о горе Лушань — «Величие горы Лушань» («庐山高») — было написано Оуян Сю (欧阳修, 1007–1072) и посвящено Тао Юаньмину [10, р. 21].

ПРИРОДА И ПЕРЕЖИВАНИЯ ГЕРОЯ В «ЗАПИСКАХ ИЗ ДОМА ОТШЕЛЬНИКА В ГОРАХ ЛУШАНЬ»

Произведение «Записки из дома отшельника в горах Лушань» носит в основном созерцательный характер, в нем переплетаются описания природных картин и личные переживания, которые полностью синхронизированы.

Бо Цзюйи дает одно из самых запоминающихся определений горы Лушань в китайской литературе: «Гора Куанлу⁶ необыкновенна и прелестна, самая лучшая в Поднебесной» («匡庐奇秀, 甲天下山»)⁷, с чего начинается это произведение. В духе китайской классической литературы с помощью конкретных подробных описаний создается целостное впечатление как от описываемых объектов, так и от аллегорических идей. Текст начинается как описательное повествование с точки зрения всевидящего рассказчика, но резко переходит в исповедальную форму от первого лица.

Само произведение включает в себя биографическую справку об авторе — Бо Лэтяне из Тайюаня, и указывает точный момент его пребывания в Лушани — осень 11-го года периода Юаньхэ (806–820), когда правил 12-й император династии Тан — Сяньцзун, т. е. осень 817 г. Предложение «он увидел это место и влюбился в него, как странник, вернувшийся после долгого пути на родину, и никогда не желающий больше покидать ее» («见而爱之, 若远行客过故乡, 恋恋不能去») вписывает текст в традицию о Лушане как символ мечты о возвращении и сближает ее с поэзией Тао Юаньмина и других авторов. Описание скита, который строит Бо Лэтянь, также является реальной отсылкой к его жизни. В то же время этот образ может быть связан с самим названием горы Лушань, которое уже комментировалось в легендарной истории Куан Су.

---

⁶ Другое название горы Лушань.

⁷ Все цитаты из произведения взяты из [13].

Большинство аллюзий в тексте относятся к буддизму. Присутствуют и даосские мотивы: созерцательная связь с природой и простая, аскетическая жизнь в соответствии с природным порядком. Например, в описании его скита подчеркивается, что в построенном им доме нет ничего лишнего и ничего того, чего ему не хватает, — ровно столько, сколько ему нужно. Также указано, что в доме есть несколько конфуцианских, буддийских и даосских книг. Таким образом, автор намекает на присутствие трех основных духовных направлений в его культурном и ментальном пространстве.

Синхронность между природой и внутренним состоянием выражается синтаксическим параллелизмом следующим образом: «Вокруг была гармония, а в душе моей — мир» (《外适内和》). Мотив слияния с внешним миром также присутствует в описании. Представленная идиллическая картина изображена в деталях, включая разнообразные природные элементы, большинство из которых носят символический характер, например изображение бамбука, который не только воспринимается на Западе как один из символов Китая, но и традиционно занимает важное место в китайской художественной литературе. Он известен как один из так называемых «Четырех аристократов» — бамбука, цветков сливы, орхидеи и хризантемы. У самого Бо Цзюйи есть труд под названием «О выращивании бамбука» (《养竹记》) [14]. В нем он представляет качества бамбука, которыми должен обладать благородный человек, — устойчивость (固), прямолинейность (直), твердость (贞) и «пустота» (空) — в сердцевине бамбука и соответственно в человеке, что передается также выражением: «Его сердцевина пуста, чтобы воплощать Дао» (《竹心空, 空以体道》). «В этом тексте Бо Цзюйи сделал акцент на проникновение созерцания — очевидно, что внутренние качества бамбука видны не всем, а только требовательный к себе глаз, ищущий мудрости, совершенства и единства с Небом, способен извлечь из всего уроки, необходимые для достижения его идеалов» [15, с. 239].

На проникновение в суть вещей намекает автор и в «Записках из дома отшельника в горах Лушань»: «Теперь, когда я стал здесь хозяином всех вещей, они открылись мне, и я достиг их природы» (《今我为是物主, 物至致知, 各以类至》). Ниже приведены конкретные упоминания о буддийских монахах, живших в горах Лушань, — Хуэйюнь (慧永), Хуэйюань (慧远), отшельник Цзунбин (居士宗炳) и Лэй Цыцзун (雷次宗).

В конце текста автор возвращается к своей личной истории и указывает причину, по которой он оказался в горах Лушань, а именно понижение в должности, за которое он был отправлен в Цзянчжоу. Но, по сути, то, что так сложились обстоятельства, оказалось для него «лучшим шансом, данным мне Небесами, и лучшим местом, данным мне Землей» (《是天与我时, 地与我所》). Произведение завершается картиной мечты, которую хотел бы достичь Бо Лэтянь, и таким образом текст проходит через прошлое горы Лушань с буддийскими монахами, жившими на несколько сотен лет раньше, через настоящее, описанное автором, и заканчивается идеей будущего.

ВОСПРИЯТИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В БОЛГАРИИ

Настоящее исследование проводилось путем анкетирования студентов, обучающихся по специальности «Китаеведение» и другим гуманитарным профилям. Как специалисты, так и неспециалисты читали перевод не знакомого им текста и давали свои ответы, исходя из своего понимания, без предварительной информации об имени автора и эпохе написания текста. В анкете приняли участие 38 респондентов, которым были заданы следующие вопросы: «Откуда этот текст?», «В какой период была написана работа?», «Считаете ли вы, что в тексте присутствует влияние какой-либо религии или философского учения?», «Какие послылы, эмоции и настроения вы наблюдаете?» и «Можете ли вы сравнить текст с каким-либо болгарским произведением?».

Из всех участников анкетирования 9 человек обучаются по специальности «Китаеведение», 7 — по специальности «Неформальное образование», 4 — «Болгарская филология», 3 — «Русская филология», 2 — «Болгарский и русский языки», 2 — «Педагогика», 2 — «Философия» и еще 9 респондентов — по другим специальностям. На первом или втором курсе учатся 13 человек, на третьем или четвертом курсе — 10, в магистратуре — 6 студентов, и 9 человек из опрошенных окончили вуз.

Все 38 респондентов ответили, что данный текст относится к региону Азии, 18 человек предположили Китай, 1 человек — Японию, остальные не указали конкретную страну. Если вопрос о стране происхождения текста явно не вызывал затруднений ни у кого из участников исследования, то распознать эпоху, в которую было написано произведение, оказалось сложно. Правильный ответ — IX–XI вв. — указали всего 12 человек. Большинство респондентов (13 человек) предположили, что произведение написано между XVIII и XX вв., 9 человек указали на период с XII до XVII в., а 4 человека считают, что оно появилось в XXI в. Среди студентов специальности «Китаеведение» преобладает ответ «IX–XI вв.», в меньшей степени указан ответ «XII–XVII вв.» (3 человека), и период с XVIII по XX в. указали 2 человека.

Отсутствие исторического контекста при восприятии текста, намеренно заложенное при создании анкеты, имеет целью проверить современное восприятие произведения без предварительных ожиданий. Первоначальная гипотеза о том, что таким образом читатели смогут понять основные идеи, но в то же время некоторые детали останутся от них скрытыми, подтвердилась полученными ответами. Например, ни в одном из случаев не была прокомментирована фраза «Когда мой срок истечет...». Понимание этого упоминания связано с конкретным временем и практикой отправки провинившихся чиновников на три года службы в отдаленную часть страны в качестве вида наказания, а также с личной историей Бо Цзюйи. Это показывает ностальгию, но также включает традиционную китайскую идею о том, что никто никогда не может знать, является ли определенное событие в конце концов хорошим или плохим для него (идея ча-

сто выражается идиомой 塞翁失马⁸). Именно в этом ключе в тексте передается мысль о том, что, хотя поначалу отправка автора в ссылку казалась негативной, на деле она оказалась «наилучшим шансом, данным мне Небом».

О влиянии религий и философских учений ответы однозначны — 36 респондентов обнаружили даосские и буддийские влияния, только один отметил христианские, и еще один ничего не заметил. Эмоции и настроения, которые указаны в ответах: восхищение, осознание, смирение, душевное спокойствие, благодарность и просветление. Во всех ответах указывается отказ от материальных благ и слияние с природой, пренебрежение к бытовым проблемам. Один из ответов гласит: «Есть личный опыт, который открывает глаза; катарсис, посредством которого человек очищается и гармонизируется... испытывает благодарность и почтение к предкам; стремление быть не в одиночестве, а с семьей (как цель современного общества)». Другой респондент нашел в тексте «простую радость обычной жизни, в своего рода безвременье — одной из главных целей даосизма, а также в некоторой степени буддизма, если предположить, что это дело близко к нирване — слиянии с остальным миром». Хотя в самом произведении семья упоминается только один раз, в ряде ответов подчеркивается стремление вернуться к ней.

Один из посылов произведения, который трудно понять иностранной аудитории, — исконная связь художественного творчества и садоводства. Во времена династии Тан некоторые из поэтов, которые часто были чиновниками, «зачастую выражали свои надежды и стремления на будущее через возделывание садов, а также участвовали в развитии живописных мест, где они служили. Некоторые литераторы, полагаясь на свое понимание красоты садов, посвящали себя строительству собственных лесных хижин. Сады литераторов воплощают их глубокое понимание гармонии и стремление к природе, а также смысл человеческой жизни и скрытые переживания» [16, с. 88]. Таким образом, обнаруживается глубокая связь между литературой, живописью и созданием и уходом за садами. Эстетическое восприятие, стремление к гармонии в мире, поиск и открытие себя в природе связывают эти разные виды деятельности. «Бо Цзюйи — первый человек в истории, который может быть назван “литературным садовником”, и именно “Записки из дома отшельника в горах Лушань” является одним из образцов для “сада литераторов”» [16, с. 88]. В произведении природный пейзаж описывается конкретными фигурами: «Вокруг озера было много мангустинов и диких цветов, а внутри него разводились белые лотосы и белые рыбы». В тексте представлены также действия самого Бо Цзюйи, которыми он культивирует этот природный сад: «Я всегда насыпаю кучу земли, чтобы создать возвышенность, собираю камни, чтобы оформить альпинарий, и огораживаю маленькое озерцо». Исходя из того, как это рассказывается в произведении, он явно занимался этим всю жизнь. Взаимосвязь садоводства и творческого осмысления мира не прокоммен-

⁸ Букв. «старик у границы теряет своего коня». Имеется в виду, что нельзя заранее предугадать, обернется ли данное событие к лучшему или к худшему.

тирована ни в одном из ответов на анкету. Можно предположить, что эта идея является типично китайской, а не общепринятой.

Четырнадцать респондентов не находят сходства между «Записками из дома отшельника в горах Лушань» и болгарскими произведениями. Но среди остальных ответов большинство указывают на произведения Ивана Вазова, которые им напоминают рассматриваемый нами текст, такие как стихотворение «Рядом с Рильским монастырем», отмеченное в семи ответах. В стихотворении также выстраивается аналогичная картина умиротворения и единения с природой, как и в рассказе о путешествиях в горах под названием «Великая Рильская пустыня». Трое респондентов указали, что они могут найти сходство с описаниями из книги о путешествиях Алеко Константинова «До Чикаго и назад». Упоминаются также произведения мастера коротких рассказов болгарской литературы Елина Пелина, в том числе «Косари», «Под монастырской лозой», а также стихотворение Димчо Дебелянова «Вернуться в отчий дом».

Сходство со стихотворением «Рядом с Рильским монастырем» состоит, с одной стороны, в способе описания природы, а с другой стороны, сходство наблюдается также в плане сюжета, так как в обоих произведениях рассматриваются жизнь и ощущения героя на лоне гор. Пантеизм Ивана Вазова, в котором религиозный опыт связан с естеством и природой, хотя и восходит к христианству, на самом деле не так далек от восточных воззрений.

Все упомянутые болгарские произведения относятся к концу XIX в. и первой половине XX в. Это наводит на мысль о том, что комментируемый текст может восприниматься как не столь далекий по духу от настоящего времени. В нескольких ответах есть такие утверждения, согласно которым тема, описания и способ повествования близки и понятны современному читателю.

СХОДСТВО ТЕКСТА С БОЛГАРСКИМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ

В болгарской литературе Иван Вазов был первым автором, который сделал природу самостоятельным объектом изображения и темой в своих произведениях. Этот мотив не чужд китайскому искусству и присутствует во многих местах, тема «гор и вод» чрезвычайно распространена в изобразительном искусстве и литературе.

Стихотворение Ивана Вазова «Рядом с Рильским монастырем» было написано в 1891 г., но несмотря на огромную разницу в периоде появления двух произведений, а также в их жанре, между ними действительно можно найти сходство. Прежде всего, есть сходство в описанных местах и в том, как они изображены:

*Я дома теперь. Горы вокруг
и вершины везде выступают;
леса высокие, дикие шумят;
и ручьи хрустальные пенятся.*

Иван Вазов [17, с. 7]

*Я, Лэтянь, пришел сюда и стал хозяином,
чтобы смотреть на гору, слушать шум ручьев,
созерцать бамбук, деревья, камни и облака
от рассвета до заката, без отдыха.* Бо Цзюйи [13]

В «Записках дома отшельника в горах Лушань», а также в стихотворении «Рядом с Рильским монастырем» рассказчик (в первом лице) находится в горах, созерцая высокие вершины, ручьи и леса. Ощущение, которое создается, способ изображения, а также восхищение окружающей природой действительно близки в двух произведениях.

Во второй строфе стихотворения Вазова есть конкретные названия мест, которые он описывает, подробно и детально. Так, конкретика создает ощущение подлинности внутри художественного произведения. Аналогичный подход встречается у Бо Цзюйи, который в начале текста указывает названия мест в горах Лушань.

Еще одна сходная деталь в двух произведениях — это открытие своего места в мире через переживания в горах. Кроме того, они оба показывают проникновение в суть окружающих вещей. В китайских произведениях искусства легко предположить, что что это продиктовано даосскими или буддийскими взглядами. Таких влияний в творчестве Вазова нет, поэтому все это можно отнести к собственному пониманию автора.

*Сейчас я дома, сейчас я вновь поэт —
на лоне той пустыни лесной, святой;
я понимаю тихий любовный зов леса,
и шум струй, и бездны молву.*

Иван Вазов [17, с. 7]

*Сейчас, когда я стал здесь хозяином всех
вещей, они открылись мне, и я достиг
их природы, каждое по его виду. Как мне
не чувствовать себя в окружающем
мире как дома и в гармонии с собой, спо-
койно в теле и миротворенно в душе?*

Бо Цзюйи [13].

Монастыри играют важную роль в обоих произведениях. Они очень близки к тому месту, где находятся рассказчики, но монастыри никогда не представлены изнутри. Бо Цзюйи строит свой скит «напротив горы Сянлуфэн, рядом с монастырем И-Ай». Стихотворение Вазова еще в названии указывает, что описываемые места находятся «рядом» с Рильским монастырем. Духовный опыт описывается так: «Я вкушаю сладкий покой в песнях и молитвах» [17, с. 8]. В обоих случаях есть связь с соответствующей религией или учением, но ее реальное переживание происходит в природе, а не в самом храме.

Финал двух произведений также похож — выражение желания провести остаток жизни в описываемом месте. Но, в отличие от Бо Цзюйи, Иван Вазов не представляет картины воссоединения семьи.

*Не здесь я родился — я хотел бы здесь
тлеть
под шумом вечного леса — глубокая эпо-
пея*

Иван Вазов [17, с. 8].

*И тогда непременно я обниму левой ру-
кой жену и ребенка, а правой буду дер-
жать цитру и книги свои, и останусь
здесь до конца жизни.*

Бо Цзюйи [13].

Сходство произведений «Рядом с Рильским монастырем» и «Записки из дома отшельника в горах Лушань» было отмечено наибольшим количеством респондентов и поэтому в данной статье ему уделяется особое внимание. Интересно и другое сходство, которое отмечается в ответах респондентов, — с рассказом о путешествиях Ивана Вазова «Великая Рильская пустыня». И у Бо Цзюйи, и у Вазова есть как поэтические, так и прозаические произведения, посвященные двум горам. В рассказе о путешествиях Вазова несколько фраз очень напоминают описания, данные китайским автором:

I. «И вправду Рила — самая великолепная гора болгарская» (Иван Вазов [18, с. 8]).

«Гора Лушань необыкновенна и прелестна, самая лучшая в Поднебесной» (Бо Цзюйи [13]).

II. «Я видел в своем воображении какие-то неприкасаемые черные вершины — призраки, затерянные в небе... Между этими вершинами — монастырь» (Иван Вазов [18, с. 7]).

«Его северная вершина называется Сянлуфэн, а монастырь на северном склоне — И-Ай. Местность между вершиной и монастырем восхитительная, неповторимая в горах Лушань» (Бо Цзюйи [13]).

Рассказ о путешествии Вазова объемён и нагляден, включает ряд подробностей о некоторых местах и исторических событиях в Риле. Бо Цзюйи, наоборот, представляет более короткий набросок, включающий подробности его собственной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании анкеты и анализа ответов респондентов можно сделать вывод, что произведение Бо Цзюйи «Записки из дома отшельника в горах Лушань», хотя и написано около 1200 лет назад, более чем в 8000 км от Болгарии, сегодня может быть полноценно понято в нашей стране. Кроме того, ему удастся передать определенные чувства и мысли, заложенные в тексте, даже совершенно неподготовленному читателю. Фоновые знания, которыми обладают студенты, обучающиеся по специальности «Китаеведение», значимы с точки зрения правильного позиционирования произведения в эпоху его написания, а также правильной интерпретации заложенных в произведении буддийских и даосских мотивов. Неспециалисты по китайской литературе также легко находят в тексте основные смыслы и послылы. Оказывается, по их словам, подобные произведения есть и в болгарской литературе, и именно это позволяет не испытывать особых затруднений при восприятии этого текста. Можно предположить, что издание перевода сборника сочинений Бо Цзюйи было бы с интересом воспринято в Болгарии как специалистами, так и широкой аудиторией.

Литература

1. *Fitzgerald C. P. China: A Short Cultural History.* London: Cresser Press, 1954.
2. *Карастойчев В.* Художествена литература // *Панорама Китай.* София: ИВРАЙ, 2006. С. 238–273.
3. *Жерне Ж.* Китайската цивилизация. София: ИК «Кама», 2004.
4. *Сторожук А. Г.* Юань Чжэнь. Жизнь и творчество поэта эпохи Тан. СПб.: Кристалл, 2001.
5. *Эйдлин Л. З.* Вступительная статья // *Бо Цзюй-и.* Стихотворения. М.: Художественная литература, 1978.
6. *Малявин В.* Китайская цивилизация. М.: Астрель, 2001
7. *Кобзев А. И., Орлова Н. А.* Жизнь и поэзия Бо Цзюй-и // *Общество и государство в Китае.* 2018. Т. 48. № 2. 2018. С. 640–737.
8. *Luo Y.* A Concise History of Chinese Literature. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2011.
9. *Poceski M.* Lay Models of Engagement with Chan Teachings and Practices among the Literati in Mid-Tang China // *Journal of Chinese Religions.* 2007. P. 29–63.
10. *Nelson S. E.* Catching Sight of South Mountain: Tao Yuanming, Mount Lu, and the Iconographies of Escape // *Archives of Asian Art.* 2000/2001. Vol. 52. P. 11–43. URL: <https://www.jstor.org/stable/20111294> (дата обращения: 11.07.2022).
11. 司马迁.河渠书// 史记, 书, 29. 前109年 — 前 91 年. [Сыма Цянь. Трактат о реках и каналах // Исторических записок. Кн. 29. 109–91 гг. до н.э.] URL: <https://ctext.org/shiji/he-qu-shu/zhsn5831> (дата обращения: 17.07.2022). (На кит. яз.)
12. *Сторожук А. Г.* Три учения и культура Китая. СПб.: Береста, 2010.
13. 白居易.庐山草堂记//白居易《庐山草堂记》原文及翻译. [Бо Цзюйи. Записки из дома отшельника в горах Лушань // Бо Цзюйи. Записки из дома отшельника в горах Лушань.] URL: <http://wyw.5156edu.com/html/z9822m6144j2666.html> (дата обращения: 17.07.2022). (На кит. яз.)
14. 白居易. 养竹记. //古诗文网. [Бо Цзюйи. Выращивание бамбука // Сеть древней поэзии и литературы.] URL: https://so.gushiwen.cn/shiwenw_5cd37016bb72.aspx (дата обращения: 17.07.2022). (На кит. яз.)
15. *Пиронкова Д., Русинов С.* Цвете отглежда човек — мъдростта на растенията в китайската култура // *Пътят на коприната: Доклади от втората международна конференция по китаистика «Пътят на коприната,* 2013. С. 238–244.
16. 舒平, 贾璐. 浅析《庐山草堂记》中白居易的造园思想及影响. //艺术与设计(理论), 9(3), 2017, 86–88 页 [Шу Пин, Цзя Лу. Анализ мысли и влияния Бо Цзюйи в области садоводства в «Записки из дома отшельника в горах Лушань» // Искусство и дизайн (теория). 2017. Т. 9. № 3. С. 86–88.] (На кит. яз.)
17. *Вазов И.* Избрани творби. София: СофтПРЕС, 2021.
18. *Вазов И.* Събрани съчинения в четири тома (том 4). София: Български писател, 1982.

References

1. *Fitzgerald C. P. China: A Short Cultural History.* London, Cresser Press, 1954.
2. *Karastoychev V.* Fiction. In: *Panorama China.* Sofia, IVRAI, 2006. P. 238–273. (In Bulgarian)
3. *Gernet J.* *The Chinese Civilization.* Sofia, IC “Kama”, 2004. (In Bulgarian)
4. *Storozhuk A. G. Yuan Zhen. The Life and Works of a Tang Poet.* St. Petersburg, Kristall Publ., 2001. (In Russian)

5. Eidlin L.Z. Introductory article. In: Bai Juyi. *Poems*. Moscow, Khudozhestvennaia Publ., 1978. (In Russian)
6. Malyavin V. *Chinese civilization*. Moscow, Astrel' Publ., 2001. (In Russian)
7. Kobzev A.I., Orlova N.A. Life and poetry of Bo Ju-yi. *Society and State in China*. 2018. Vol. 48. No. 2. P.640–737. (In Russian)
8. Luo Y. *A Concise History of Chinese Literature*. Leiden, Koninklijke Brill NV, 2011.
9. Poceski M. Lay Models of Engagement with Chan Teachings and Practices among the Literati in Mid-Tang China. *Journal of Chinese Religions*. 2007. P. 63–97.
10. Nelson S. E. Catching Sight of South Mountain: Tao Yuanming, Mount Lu, and the Iconographies of Escape. *Archives of Asian Art*. 2000/2001. Vol. 52. P. 11–43. Available at: <https://www.jstor.org/stable/20111294> (accessed: 11.07.2022).
11. Sima Qian. Treatise on Rivers and Canals. *Historical Records*. Book 29. 109–91 BC. Available at: <https://ctext.org/shiji/he-qu-shu/zhs n5831> (accessed: 17.07.2022). (In Chinese)
12. Storozhuk A. G. *Three teachings and culture of China*. St. Petersburg, Beresta Publ., 2010. (In Russian)
13. Bai Juyi. A Script for the Thatched Cottage in Mount Lu. *The original text and translation of "A Script for the Thatched Cottage in Mount Lu" by Bai Juyi*. Available at: <http://wyw.5156edu.com/html/z9822m6144j2666.html> (accessed: 17.07.2022). (In Chinese)
14. Bai Juyi. Raising Bamboo. *Ancient Poetry and Literature Network*. Available at: https://so.gushiwen.cn/shiwenv_5cd37016bb72.aspx (accessed: 17.07.2022). (In Chinese)
15. Pironkova D., Rusinov S. A flower grows a man — the wisdom of plants in Chinese culture. *Silk Road: Papers from the Second International Conference on Chinese Studies "Silk Road"*. 2013. P.238–244. (In Bulgarian)
16. Shu Ping, Jia Lu. An Analysis of Bai Juyi's Gardening Thought and Influence in "A Script for the Thatched Cottage in Mount Lu". *Art and Design (Theory)*. 2017. Vol. 9. No. 3. P. 86–88. (In Chinese)
17. Vazov I. *Selected works*. Sofia, SoftPRESS, 2021. (In Bulgarian)
18. Vazov I. *Collected works in four volumes (vol. 4)*. Sofia, Bulgarian Writer, 1982. (In Bulgarian)